

Стоит-ли думать о бумажном сырье в России?

(В дискуссионном порядке).

В настоящее время широко распространен термин „законсервировать предприятие“, но если мы объективно рассмотрим нашу дореволюционную бумажную промышленность, то принуждены будем констатировать, что этот термин приложим ко всей этой промышленности за целую четверть века. Разница только в том, что социализированная промышленность консервирует предприятия на неопределенное время приостанавливая их, буржуазная-же промышленность принимала все меры, чтобы законсервировать их в действии.

Если возьмем ход роста нашего производства и прирост бумажного импорта за ряд последних лет, то получим такую картину:

Прирост собственного производства. Прирост импорта.	
1888—1893 г.	12 ⁹ / ₁₀ 41 ⁰ / ₁₀
1893—1900 г.	96 ⁰ / ₁₀ 134 ⁰ / ₁₀
1900—1908 г.	39 ⁰ / ₁₀ 97 ⁰ / ₁₀
1908—1910 г.	17 ⁰ / ₁₀ 28 ⁰ / ₁₀
1910—1911 г.	11 ⁰ / ₁₀ 13 ⁰ / ₁₀
1911—1913 г.	21 ⁰ / ₁₀ 25 ⁰ / ₁₀

Т.-е. какой-бы интервал мы не взяли, безразлично большой или малый, производство никогда не поспевало за потреблением населения, и последнее удовлетворялось только благодаря импорту, оплачивая громадную пошлину.

Крупное значение охранительной пошлины, как средства для развития нарождающейся промышленности, было сведено на меру поддержания предприятий устаревших, не могущих вырабатывать товар по нормальной средней мировой стоимости, несмотря на громадные сырьевые богатства страны. Эта пошлина черезчур дорого обошлась стране, не дав никаких результатов, кроме задержки в народном образовании и развитии, так как едва-ли кто будет отрицать, что будь бумага, книга и газета вдвое дешевле, они гораздо шире распространялись-

бы среди населения, гораздо глубже проникли-бы в толщу народной темноты.

Несмотря на совершенно ясную вышеуказанную картину, что существовавшая промышленность и не могла стать действительным орудием страны в ее борьбе за свое существование, ни сами руководители промышленности, ни центральная власть, на обязанности которой лежало руководство всею промышленностью страны, не делали никаких усилий, чтобы поставить русскую бумажную промышленность на ее настоящее место. За всю эту историю промышленности мы не видим ни одной крупной попытки реорганизовать ее, а лишь непрерывные заботы сохранить ее в том виде, как она есть, то, что я выше назвал „законсервировать в действии“.

Всякий раз, когда власть, очнувшись от своей дремоты в кабинете на Дворцовой площади, замечала, что она не выполняет своей функции, что удовлетворение страны бумагою не прогрессирует, а, несмотря на приносимые народом жертвы,—наоборот регрессирует, и хотела дать стране более дешевый продукт, то промышленниками поднимался такой шум, что под него она снова засыпала на несколько лет. Появились слезницы, доказывавшие, что тогда промышленность совсем рухнет, что, наоборот, необходимо повысить пошлины на финляндскую бумагу, чтобы поддержать падающую промышленность. Приводились сводки доходности фабрик, при чем в список этих подлежащих охране фабрик включались и такие, которые весной заливаются до конька крыши, такие, у которых под'ем воды к конденсатору компаунд-машины требует более энергии, чем дает сама конденсация, такие, которые, не имея собственного сырья, непрерывно увеличивали свою продукцию и т. д. Т.-е. испрашивалась охрана и для таких, явно вредных для страны предприятий. А когда высокий таможенный барьер все-таки не мог сдержать напора нормальной иностранной промышленности, и такое законсервированное в действии предприятие начинало дурно пахнуть, крышка консервной коробки приподнималась, и в нее вливалось некоторое количество антисептика в виде нового каландра, новой бумажной, или паровой машины и только. О коренной реорганизации своего дела предприниматели не думали, полагаясь на консервирующую силу пошлин.

Но принесло-ли это консервирование пользу самим предприятиям? Не была-ли это политика ошибочною? Годы войны, думается, ясно показали это.

Стоило загрузить транспорт военными грузами, затребовать топливо для других целей, пред'явить требование на рабочую силу для комплектования армии, закрыть границу для импорта вспомогательных материалов, как предприятия сразу стали беспомощными. Отсутствие своего сырья, вблизи находящегося топлива, отсутствие механизации производства и вызываемое этим излишнее количество рабочей силы, отсутствие своего производства сукон и сеток, отдаленность других

материалов для производства,—все эти условия, делавшие предприятия не способными для нормального производства в мирное время, все они выпукло обрисовались в годы военного испытания страны.

Тот же приговор, только в значительно смягченной форме, мы читаем и в материалах к с'езду 15-го февраля с. г., опубликованных Главбумом, где он уже заготовил эпитафии для многих недавних китов нашей бумажной промышленности. Этот приговор можно усмотреть во многих местах „материалов“, но он, повидому, не достаточно осознан. Приговор поставлен над некоторыми предприятиями, но он должен быть поставлен над всею дореволюционную промышленностью, за очень немногими исключениями. Осуждены отдельные предприятия, но не осужден основной принцип дореволюционной промышленности. Многие еще думают: так было,—так будет.—Нет, так не должно быть, и к новому строительству России мы должны приступать с иными целями и с иными средствами.

Я принужден был сделать это отступление от основного вопроса, так как в зависимости от того взгляда, какой имеется относительно будущего развития нашей бумажной промышленности зависит и решение вопроса о сырье для бумаги.

В этом отношении, как наблюдения на бывшем С'езде, так и обсуждения на других совещаниях, убеждают меня, что все бумажные работники делятся на две противоположные группы. Одна, сжившаяся с формами и ходом развития прежней промышленности, оставившей при своем крушении целые нетронутые области древесины, естественно думает, что-бы ни говорили представляемые противниками цифры, что запасы русского сырья неистощимы не только для русской, но и для европейской промышленности.

Другая, наблюдая в течение целых десятилетий развитие промышленности в других странах и прогрессирующую отсталость ее в России, признавая единый общий закон культурного развития, естественно находит, что рост русской промышленности должен быть тем сильнее, чем долее он ранее задерживался. Главбум на предстоящее десятилетие наметил более, чем скромную программу в 55 миллионов пудов, но многим эта программа показалась на С'езде чрезмерною и фантастическою. А между тем, он исходил из арифметической прогрессии роста потребления, тогда как оно растет в геометрической прогрессии. Насколько-же фантастичным должно будет им казаться мое предположение потребления для 1940-го года в 165 миллионов пуд. ¹⁾ Они будут цепляться за каждый факт случайного или временного характера, способный вызвать задержку широкого строительства промышленности. Тут мы встретим и слабую покупательную силу населения, и расстройство транспорта, и отсутствие капитала, а что, если уже есть предложения на выполнение в двухлетний срок даже максимальной программы.

---

¹⁾ „Лесное Хозяйство“ Москва 1922 г.г.

(конечно, на экспорт)? Но если-бы даже это и было сейчас неосуществимо, говорило-ли бы это против осуществления в следующем десятилетии? И потому глубоко правы были те, которые исходили, в целях сохранения сырья, к прикреплению фабрики к лесу, а не леса к фабрике, кто ратовал за „фантастическую“ утилизацию сульфитных щелоков, так как без этой утилизации невозможно широкое целлюлозное строительство с полным использованием нашей древесины.

На съезде было столкновение старой и новой России, и будущее, конечно, за новую Россию.

Вопрос о сырье для бумаги, конечно, более мировой, чем русский вопрос. За первое десятилетие нынешнего века Америка удвоила свое производство; то-же удвоение произвела и Германия в начале века, хотя и не в 10, а в 13 лет. Мы тоже испытали такой подъем вверх в начале этого века; при первом дуновении свободы с 1900 по 1910 г. наше потребление бумаги поднялось на 72%, за следующие только 3 года оно возросло на 36%, т.-е. за десятилетие оно должно было вырасти свыше 150%. И это при всех неблагоприятных условиях. Т.-е. мы сдвинулись с мертвой точки и должны были двигаться далее по уравнению, общему с другими культурными странами.

Но американцы тогда же, в начале века, рассчитали, что к 1940 году у них уже не будет привычного сырья для бумаги и, не дожидаясь катастрофы, пошли на поиски нового.

Какие же меры можно предпринять для этого?

- 1) Увеличение удобной лесной площади.
- 2) Получение большего запаса на единице лесной площади путем мелиорации почвы, насаждением пород с большим приростом, акклиматизации наших пород и друг. мероприятиями лесоводственного характера.
- 3) Применением лесных пород, доселе не употреблявшихся.
- 4) Уменьшением потерь волокна в производстве.
- 5) Употреблением отбросов лесотопливного и друг. производств.
- 6) Использованием, помимо древесных пород, других растений, как культурных, так и находящихся в диком состоянии, и потому крайне малоценных.

Американцы пошли по пути, указанному в пунктах 3, 5 и 6 этой программы. Как при выборе топлива мы предпочитаем наиболее теплостойкое топливо, так и при выборе сырья следует предпочесть, если можно так выразиться, наиболее волокнистое сырье, и американцы обратились прежде всего к древесным породам.

Бальзамическая ель (*Jack pine*, *P. divaricata*), гемлок, признаваемые прежде негодными, теперь широко применяются для получения древесной массы, примешивая их к пихте при дефибрировании. Желтая сосна *Longleaf pine*, также перерабатывается, как отброс лесопильного производства и как маломерный материал, оставляемый при лесопильных заготовках в лесу; метод переработки — сульфатный процесс. За

последнее время *P. divaricata* стала применяться и для сульфитного процесса, несмотря на значительное (3.5%) содержание смолы. Словом— все хвойные породы ¹⁾ как Северной, так и Южной Америки, признававшиеся ранее непригодными, уже испытаны, и выработаны специальные методы их переработки. Лиственные породы также получили применение в целлюлозном производстве.

Но и менее волокноемкий материал подвергся опытному исследованию, и малое применение его обуславливается только достаточным количеством древесины. Сахарный тростник, с его 42%-ми прекрасно отбеливаемого волокна, маисовая и рисовая солома, хлопковые стебли и коробочки, льняная солома—все эти материалы встречают пока препятствие в затруднительности транспорта и хранения такого рыхлого и об'емистого материала, но надо надеяться, что когда вопрос сырья станет острее, американская предприимчивость и энергия справятся с этими затруднениями.

Англия также не закрывает глаз на предстоящий сырьевой голод. За неимением лесных запасов (Ньюфандленд даст немного) она ищет сырье среди злаковых и травянистых растений, а так как таких трудно найти достаточное количество в метрополии, она ищет их в колониях.

Она учредила Институт лесных исследований в Индии и в нем исследует пригодность различных растений, могущих дать в этих субтропических условиях колоссальные сборы. Для более полного исследования, в дополнение к лабораторным работам, по сообщению В. Рэтта, в Институте устанавливается полное оборудование для бумажного производства в малом заводском масштабе.

Я не буду приводить исследований и опытов, производимых другими странами в том же направлении, я взял только Америку и Англию, как пример того, как культурные страны заботятся о дальнейшем развитии своей промышленности.

Но как мы относимся к будущим судьбам нашей промышленности? Что мы предпринимаем для обеспечения ее в будущем? В лучшем случае мы обнаруживаем полную беспечность, свойственную малокультурной стране. Мы только что видели удвоение потребления в десятилетний период даже при кажущемся колоссальном потреблении в два десятка килограммов на душу. Едва ли кто усомнится, что отставшее, более слабое потребление имеет основание на еще больший рост, как легче увеличить концентрацию слабого раствора, чем раствора, близкого к насыщению. В другом месте ¹⁾ я показал, что для того, чтобы достичь душевого потребления Америки нам потребуется в 1940 г. $10\frac{1}{3}$ миллионов куб. саж. древесины, тогда как

¹⁾ Следует отметить, что сосновые породы достигают в климатических условиях Америки спелого возраста в 30—40 лет, тогда как пихта в 70—80 лет. Также выход даже сульфатной целлюлозы из желтой осины равняется 45—50%.

во всей Европейской России мы можем рассчитывать приблизительно на 3, 9 миллион куб. саж. елового баланса. На чем же покоится наша гордая уверенность, что мы станем поставщиками Европы? Еще недавно пришлось слышать, что скоро Европа к нам и за сучками придет.

На меня такая уверенность производит впечатление глубокого неуважения к науке и технике, и повидимому, еще не окончательно изжитого знаменитого выражения— „шапками закидаем“. Мы видели ту разумную научно-техническую работу, какую развивают культурные нации, чтобы не быть вынужденными бежать к нам за сучками, а с другой стороны,—крымская, японская и последняя войны, кажется, достаточно доказали, что шапками закидать нельзя, а надо бороться опять-таки наукою и техникою. Расчет показывает, что, если мы не пойдем по тому же культурному пути, нам самим не хватит и этих сучков.

Какой же путь надлежит нам избрать применительно к указанной выше программе обогащения страны сырьем для бумаги? Я сказал бы: по всем пунктам этой программы, в особенности по пункту 2-му и 3-му. Забота в этом направлении может дать увеличение запаса от 50 до 100% хорошей древесины. Доколе бумажная промышленность не будет заботиться о своих будущих запасах, понятно и лесное ведомство не будет ставить этот вопрос в число своих первоочередных задач. Дитя не плачет—мать не понимает.

Необходимо возможно чаще напоминать об этом лесному управлению.

Но и изыскание других материалов и методов их переработки не должно упускаться из вида. В особенности это имеет значение для южной России, для южной и юго-восточной окраины. Всякий миллион пудов волокна из этих материалов позволит вывезти миллион пудов древесного волокна за границу и получить соответствующую валюту. Консервируемая дореволюционная промышленность могла отправлять бумагу стоимостью 2 р. 20 к. из Окуловки, или Серпухова в Одессу, оплачивая при этом 55—60 коп. провоза, или соломенный картон из Вольнской губ. в Иркутск; нормальная промышленность не должна этого допускать. Льняная солома, камыш, хлопковые стебли должны обратить на себя серьезное внимание. Найдутся и другие заслуживающие внимания материалы (кендырь, крапива и пр.), которые также могут при известных условиях дать удовлетворительные результаты. Необходимо исследовать те из них, которые, не имея другого местного потребления, находятся в достаточном количестве и дают достаточный прирост для крупного целлюлозного производства.

Россия, к счастью, не будет вынуждена искать сырье в других

---

¹⁾ Труды всероссийской лесной конференции 10—17 ноября 1921 г. в Москве стр. 65—67.

странах, но и то при условии, что будут приняты серьезные меры к увеличению ее запасов древесины и к исследованию не имеющих потребления других источников сырья.

Еще одно соображение. Пока собственное потребление не разовьется до надлежащего размера, и мы будем в состоянии экспортировать за границу, таковой экспорт должен производиться конечно не в форме сырой древесины, а в форме готовых продуктов целлюлозы и еще лучше—бумаги. Фрахт всегда играл очень серьезную роль в экспорте нашей древесины, еще серьезнее он отзывается сейчас и будет отзываться в будущем. Чтобы легче выдерживать конкуренцию субтропических стран, мы должны вывозить не сырье, а окончательные продукты.

Л. П. Жеребов.